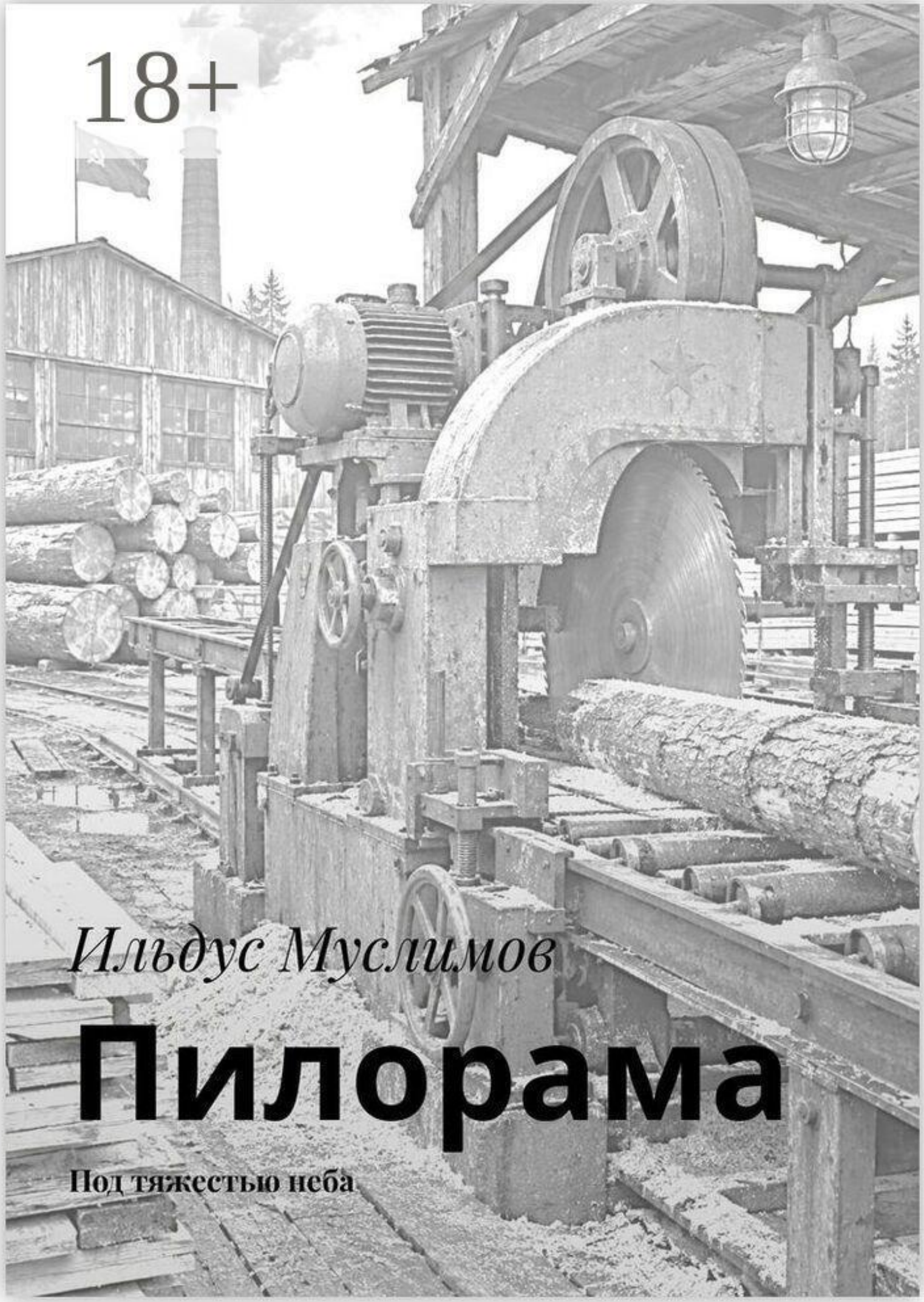
18+

Ильдус Муслимов

Пилорама

Под тяжестью неба

Ильдус Муслимов

Пилорама. Под тяжестью неба

«Издательские решения»

Муслимов И.

Пилорама. Под тяжестью неба / И. Муслимов — «Издательские решения»,

Его пальцы дрожали не от холода, а от тяжести выбора, который он как мог оттягивал, в надежде, что всё происходящее с ним это просто сон и что больше он не вернётся в тот ад, где его ломали и уродовали десять лет, в чужой стране, под тяжестью чужого неба.

© Муслимов И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 8
Глава 3 10
Глава 4 12
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Пилорама
Под тяжестью неба

Ильдус Муслимов

© Ильдус Муслимов, 2026

ISBN 978-5-0071-7794-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Он проехал на этой ржавой «шахе» около ста километров. Ехал не по трассе, а параллельно и всё время вдоль лесополосы, чтобы скрыться от лишних взглядов и милицейских машин. В какой-то момент ««шаха» стала дёргаться, и Нурдин заметил, что на приборной панели у датчика топлива лампочка уже не моргала и горела постоянно красным огоньком. Да и сама стрелка давала понять, что бензина в баке практически нет. Но он успел на последнем, как это говорят, издыхании свернуть и заехать прямо в лесополосу, подмяв под машину молодые берёзовые поросли. «Ну, вот и всё…» — сказал он мысленно про себя и, опустив спинку водительского сиденья, отключился от нахлынувшей на него тяжёлой, будто бетонная плита, усталости. Сколько он проспал, неизвестно. Проснулся, когда уже стало смеркаться. Ситуация, в которую он попал, требовала от него принятия каких-то экстренных решений, но в голову ничего путного не приходило. Неожиданно для себя вдруг вспомнил, как в свои двадцать восемь лет впервые оказался в России. Родом он из Хорезмской области Узбекистана. На заработки в Москву в район Гольяново он приехал в июне девяностого года, чтобы хоть как-то помочь своей престарелой семидесятипятилетней матери, ухаживающей дома за его отцом. Тот в то время был парализован. Нурдин устроился на работу вместо своего двоюродного брата, уехавшего из Москвы обратно к своей семье в Бухару по причине болезни его ребёнка. На работе Нурдина всё устраивало. Жил в подвале одного из жилых домов, всё у него было под рукой: электроплитка, диван, телевизор и несколько книг. Всё это его брат нашёл на мусорке и притащил в подвал. Вставал Нурдин ежедневно очень рано, около четырёх часов утра. Завтракал обычно отваренным ещё с вечера рисом, пил крепкий сладкий чай, после чего брал метёлки, лопаты и выходил подметать дворы домов. Директор ЖКО, а это был мужчина по имени Иван, был доволен его работоспособностью и ответственностью за чистоту и порядок на обслуживаемой территории. Нурдин любил свою работу, и она была ему не в тягость. Зарабатывать на кусок хлеба он приучен с детства. В свободное от работы время слушал музыку из транзистора и перечитывал уже, наверное, в сотый раз Коран. Именно эта книга держала его на плаву в чужой стране. Почти все заработанные деньги он отправлял матери, себе оставлял только на пропитание. Спецодежду ему выдали, а особой потребности в какой-то другой одежде у Нурдина не возникало. Он был рад и этому. За три месяца пребывания в Москве поднатаскался в русском языке пусть неважнецки, но уже хоть как-то мог общаться с жильцами. Особенно с пенсионерами. Нурдин умел не перебивая их в разговоре. Наверное, это его качество и привлекало стариков. Много смысловых слов и выражений, так необходимых в общении с людьми, он и познал именно от них. Однажды в один из сентябрьских вечеров Нурдин увидел афишу кинотеатра «Урал», расположенного в двадцати минутах ходьбы от дома, в подвале которого было его жилище. Фильм назывался «Бойцовский клуб», где снялся его любимый актёр Брэд Питт. Нурдину фильм очень понравился, он был просто в восторге. Возвращался затемно. Проходя через дворы многоэтажек, Нурдин увидел группу молодёжи. Те распивали спиртное за столиком под деревьями. Он прибавил шаг. Когда его двоюродный брат уезжал в Узбекистан, он строго настрого предупредил его, что район неблагополучный и опасный, что тут к приезжим относятся пренебрежительно, особенно подвыпившие подростки.

Нурдин шёл, не оглядываясь по сторонам, но это не помогло ему пройти двор не привлекая внимания. Он услышал, как за спиной послышались быстрые глухие шаги, и чья-то рука цепко и грубо схватила его за воротник ветровки.

Нурдин обернулся и, не успев толком разглядеть напавшего на него человека жёстким ударом своей руки отбросил чужую руку. Это был молодой парень, он выглядел младше Нурдина года на три, но смотрелся довольно-таки жилистым и крепким. Он был пьян, и Нурдин не увидел в его глазах ничего человеческого, кроме беспричинной агрессии. Стоявшие поначалу

в стороне приятели этого задиры, а их было четверо, моментально подбежали и взяли Нурдина и стоявшего в метре от него их приятеля в плотное кольцо.

— Ты кто такой, чамбала? — с усмешкой спросил у Нурдина догнавший его парень. Находящиеся под градусом выпитого алкоголя его собутыльники дружно рассмеялись. Нурдин старался держать себя в руках и не провоцировать их. Он хорошо понимал, что в случае драки, отбиться от пятерых крепких отморозков будет очень сложно. Эту мысль об осторожности подтвердил и тот факт, что один из них умело демонстративно прокручивал пальцами руки небольшой раскладной нож. Нурдин попытался снять возникшую напряжённость.

— Я не чамбала, — спокойно ответил он с едва прослеживающейся на лице улыбкой. — Я Нурдин, — он протянул руку так, как обычно её протягивают цивилизованные и воспитанные люди для знакомства с теми, с кем видятся впервые. Возникла щепетильная пауза длиною в две-три секунды. Тот, что настиг Нурдина, подавать руку не намеревался, но несмотря на это Нурдин так и не убрал свою руку и продолжал её держать вытянутой в направлении собеседника, показывая тем самым доброжелательность и доверие. То, что произошло дальше и явилось, как это говорят, той самой искрой, из-за которой и возгорелось огромное пламя. Стоявший напротив него в полуметре парень неожиданно плюнул на руку Нурдина. Его слюни точно попали на ладонь Нурдина. Вся гопкомпания оцепенела от такого поворота. Нурдин резким движением вытер руку о рубашку плюнувшего на его руку парня и тут же получил за это боковой удар в висок. На удар он ответил ударом. Началась драка и то, чего Нурдин опасался, свершилось. Удары посыпались на него со всех сторон, причём били его как ногами, так и руками. Вырваться из адского круга он не смог и после очередного жёсткого удара в спину Нурдин упал. Вновь вставая на ноги, мельком увидел лежавший на земле кусок красного кирпича. Он схватил его и, набросившись на одного из напавших изо всех последних сил ударил того этим самым кирпичом. Удар пришёлся по голове, и тот буквально рухнул на землю словно статуя, которую демонтировали. Все остальные с перекошенными от страха лицами опешили и отбежали на несколько метров по разным сторонам, глядя то на Нурдина, то на своего распластавшегося на земле приятеля, не подававшего никаких признаков жизни. Откуда-то сверху, очевидно с балкона, расположенного рядом дома, послышался громкий душераздирающий женский крик: «Я вызвала милицию! Вы что же, твари делаете!». После этого крика все участники драки, кроме Нурдина бросились врассыпную. Из подъездов дома стали спешно выходить его жители. Они стягивались к месту драки. Нурдин с перепачканным в крови лицом, покачиваясь, подошёл к лежащему на земле парню и присел рядом с ним на корточки для того, чтобы понять, в каком тот состоянии. Под головой парня к этому времени образовалась небольшая лужа крови, она медленно растекалась и увеличивалась на глазах, а уже через минуту ноги Нурдина, а вернее его ботинки находились в самом её центре. В этой же луже крови лежал и тот самый кусок кирпича, которым Нурдин ударил его по голове. Парень был мёртв.

Глава 2

Даже сейчас, когда уже всё позади и он сполна расплатился за содеянное, Нурдин неохотно вспоминает о тех последних минутах десятилетней давности, проведённых им на свободе в ожидании милиции, сидя на корточках рядом с ещё не остывшим телом совершенно незнакомого ему человека. Он помнит, как многоликая толпа жителей обступила его со всех сторон, как с диким ужасом в глазах охали и ахали женщины, глядя то на убиенного, то на Нурдина. Сурово на него смотрели разве что мужчины. Именно тогда он и услышал фразу, сказанную кем-то из толпы, которая словно острая тюремная заточка, вонзилась в его мозг: «Ну что, чурка? Допрыгался? Не живётся вам у нас спокойно? Наркоман чёртов!». До приезда милиции Нурдин держался морально как мог, повторяя про себя молитвы и прося аллаха поддержать его в эти трудные для него минуты. Убегать с места происшествия Нурдин, конечно же, не собирался, поскольку был уверен, милиционеры поймут, что у него не было намерений кого-то убивать. Да, он ударил этого парня камнем, но это была самозащита. Они имели численное преимущество и могли сами убить его. К тому же Нурдин не предполагал, что удар камнем придётся именно по голове одного из нападавших. Но что случилось, то случилось. Он не снимал с себя вины и был готов нести всю ответственность за это. Он успел подумать и о родителях этого парня, чья жизнь оборвалась так трагически. Но ведь в этом не только вина Нурдина, но и самого умершего. Алкоголь разжёг в нём агрессию и ненависть. Был бы трезв и, возможно, не случилось бы этого. О своих же родителях он подумал буквально перед приездом милицейской машины. Они останутся без его денежной помощи. Для Нурдина это было равносильно смерти. В отделе милиции его допрашивали всю ночь. Нурдин в подробностях рассказал о произошедшей драке и о том, кто являлся её зачинателем. От переводчика он намеренно отказался, заявив, что неплохо понимает русский язык, разговаривает на нём свободно, пусть не идеально, но всё же. Сказал, что обучался ему в школе в Узбекистане, к тому же среди соседей, где они живут с матерью и отцом, есть несколько русских семей. Те очень часто заходили к ним в гости. Мать Нурдина учила их печь лепёшки и готовить плов в казане. Так русский язык и поселился в их доме. Нурдину сказали, что это его право. При допросе присутствовал государственный и бесплатный адвокат, которого вызвал следователь. Это был молодой мужчина лет тридцати. Адвокат в перерыве допроса сказал Нурдину, что следствие рассматривает два варианта обвинения: это умышленное убийство с отягчающими обстоятельствами, либо превышение необходимой обороны. Следователь после допроса ушёл к своему начальнику, чтобы посовещаться, а когда вернулся, то по его выражению лица Нурдин понял, что тот чем-то озадачен. Его сомнения подтвердились, когда следователь вдруг стал задавать ему провокационные вопросы: А зачем ты взял камень? А почему ты не позвал кого-нибудь на помощь? А почему ты не убежал?

Адвокат предупредил Нурдина, что на эти вопросы он может не отвечать и не свидетельствовать против себя. Но Нурдин так не поступил, наоборот, он искренне рассказал, как всё произошло на самом деле. К тому же следователем была допрошена женщина, живущая в одном из домов недалеко от места драки. Она единственная заявила, что погибший парень ударил Нурдина первым. Нурдин в свою очередь честно изложил следователю, что за камень схватился, находясь в состоянии аффекта, так как ситуация была стрессовой для него и он опасался за свою жизнь. На помощь никого не позвал, потому что драка началась мгновенно и кричать было невозможно, так как он постоянно находился под ударами. А не убежал, потому что не был трусом. Следователь кивнул головой адвокату, чтобы тот вышел с ним в коридор. Нурдин остался в кабинете с милиционером. Адвокат вернулся один.

— Короче дела такие, — тихо сказал он Нурдину, отведя взгляд в сторону. — Следак сказал, что если ты будешь сотрудничать со следствием и укажешь в своём допросе, что не

смог справиться со своими эмоциями и оскорбил погибшего в результате чего тот тебя не ударил, а просто толкнул рукой, то он инкриминирует тебе превышение обороны. Получишь пять лет и условно досрочно за хорошее поведение выйдешь на волю. А если останешься на тех показаниях, которые ты дал, тогда будет умышленное убийство на почве межнациональной ненависти и вражды причём именно с твоей стороны. Тем более что друзья погибшего друга утверждают именно этот факт. Они говорят, что ты всячески оскорблял его и публично унизил. Тут, Нурдин, срок будет достаточно большим. Возьми во внимание и то, что тебя будут судить не в твоей стране, а здесь. Сам понимаешь… Твой случай может всколыхнуть и других твоих земляков, работающих здесь. Они опасаются, что начнётся межнациональный конфликт из-за неприязни к вам, к узбекам, в частности. А тут как бы ты сам виноват… Может ещё успеешь освободиться при живых родителях. Но если что, то я этого тебе не говорил. Нурдин в раздумьях опустил голову вниз и поднял её лишь спустя пару минут.

— Нет, — наконец тяжело выдавил он из себя. — Меня не учили обманывать. Пусть будет так, как будет. А что касается мнения моих родителей, здесь я спокоен. Они знают, что я никогда не ударю человека за просто так.

Глава 3

Следователь, который через адвоката озвучил своё волеизъявление, узнав об отказе подследственного сотрудничать со следствием, буквально рассвирепел. Нурдина арестовали и закрыли в СИЗО. Там он пробыл до суда. Его ещё несколько раз водили на допросы, на следственные действия, в том числе и на показ, где в тот злополучный вечер произошло происшествие. Зевак собралось тогда приличное количество, и все они смотрели на него с неким сочувствием что ли. Суд прошёл очень быстро. Нурдин надеялся, что судья, выслушав показания женщины, которая публично расскажет, что погибший ударил Нурдина первым, всё-таки вынесет более-менее смягчающий приговор учитывая это обстоятельство, но он ошибся. По неизвестным для него причинам, женщины этой на суде не было, а её показания судья так и не зачитал вслух. Ну а адвокат Нурдина не отстаивал его права и не перечил ни судье, ни стороне обвинения. Не выдвигал никаких ходатайств. Вот как-то так… Нурдину вынесли приговор — десять лет строгого режима с отбыванием срока в колонии, расположенной в северной части Республики Коми. Его, теплолюбивого человека, отправили туда, где, как оказалось, зима продолжительная, холодная и снежная. Нурдин до своего срока ещё никогда не жил в таком леденящем аду, где снег лежит около двухсот дней в году. Но раз на раз не приходилось, бывало и более. А вот лето хоть и короткое, но сравнительно тёплое. Ещё находясь в СИЗО, он внимательно слушал своих сокамерников, которые пусть и мало, но вполне доходчиво разъясняли ему некоторые понятия о жизни в неволе. Особое внимание они уделили теме этапирования к месту заключения. Нурдин готовился к трудностям. Однако слово «трудности» уже скоро заменило другое слово — выживание. Этап прошёл терпимо. Он ни с кем не конфликтовал и в основном всегда молчал. Нурдин быстро освоил такую вещь, что молчание на воле это всего лишь молчание, и если ты не хочешь с кем-то общаться, то ты просто не общаешься. А вот за колючей проволокой, как говорят сами заключённые, это не прокатывает. И если у тебя кто-то и что-то спросил, то ответ нужно держать, а иначе твоё молчание, по сути, является оскорблением для собеседника. Конечно, не обошлось и без стычек. Поначалу всех морально убивало его спокойствие, его непоколебимость, но Нурдин не хотел меняться в негативную сторону. Нецензурно он не выражался, а любой разговор в колонии был буквально напичкан бранными словами, которые по Корану ему произносить было не то, чтобы нельзя, а категорически запрещено. И он не гневил аллаха. Держался. К нему в отряде стали понемногу привыкать, но самые же отмороженные зэки за глаза прозвали его чёртом. Почему именно так, Нурдин не знал.

Однако был ещё один человек, который с первых дней пребывания Нурдина в колонии проявлял к нему особую неприязнь и агрессию, а это — инспектор отдела безопасности режима по фамилии Царёв. Тому около тридцати пяти лет, он был на голову выше Нурдина, да и в плечах пошире. Свою грубость тот использовал против Нурдина практически ежедневно. Он не обращался к Нурдину ни по фамилии, ни со словами: заключённый такой-то. Он называл его кратко и оскорбительно «чурка». Причём называл его так при всех заключённых, показывая над ним вроде как своё превосходство и создавая тем самым отрицательное расположение к Нурдину со стороны других заключённых. Однажды Нурдин, еле сдержавшись, ответил ему прохладным тоном, что он не «чурка» и потребовал, чтобы тот больше никогда не обращался к нему употребляя это выражение. В тот же вечер инспектор Царёв, оставшись на суточное дежурство, устроил Нурдину урок вежливости. А именно, Царёв, взяв с собой двух заключённых, которые были активными помощниками режиму, а попросту лизоблюдами, разбудил Нурдина и пригласил его в сушильное помещение для одежды и обуви. Там он нанёс ему несколько ударов резиновой дубинкой по спине, по рукам и ногам. После чего он позволил двум своим помощникам повалить Нурдина на пол и уже те, удерживая Нурдина своими исколотыми в татуировках руками попытались надругаться над ним, но в какой-то момент Царёв внезапно

остановил их и эмоционально крикнул Нурдину в лицо, брызгая при этом своими слюнями: «В следующий раз я не буду их останавливать, и они опустят тебя! Ты меня понял, чурка?!» Нурдин ничего не ответил. Тогда шёл только первый год его отсидки за колючей проволокой, в чужой для него стране, где ждать помощи было фактически неоткуда. С того момента жизнь в заключении для Нурдина становилась невыносимой. Царёв нашёл себе среди заключённых ещё несколько сторонников для того, чтобы гнобить Нурдина, а в благодарность за это он многое им позволял в режиме распорядка, вплоть до помощи в свиданках с жёнами и родителями, что являлось для любого заключённого подарком судьбы. Причину такой ненависти к себе со стороны Царёва, Нурдин понять не мог. К тому же, как назло, Царёва вскоре повысили в должности и тот просто озверел по отношению к Нурдину. Шло время, но ничего не менялось и список недоброжелателей со стороны заключённых в отношении Нурдина разве что вырос. Он был близок к эмоциональному срыву особенно тогда, когда ему перестали выдавать письма из дома от родителей. Для него это было равносильно тому, как будто ему перекрыли доступ к кислороду, и он чувствовал, как буквально задыхается без писем из родного Узбекистана.

Глава 4

Иногда Нурдину казалось, что он ходит по лезвию очень острого ножа, точно такого же, какой есть у него дома там в Узбекистане для разделки бараньего мяса. Снимать стресс помогала работа в мебельном цехе на территории их колонии. Месяц проучившись ремеслу плотника у своего наставника по имени Павел, который через три месяца после прибытия Нурдина в заключение освободился по окончании срока за убийство любовника своей жены. Нурдин полноправно осваивал свои навыки и качественно изготовлял различную мебель. Скамейки, табуреты, шкафы, лестницы и многое другое, сделанное его руками, нравились всем. Работая, он отвлекался от преследующего его Царёва. И вот уже прошло семь лет заключения. Он хорошо помнит практически каждый прожитый год. Особенно очень помогала Нурдину ежедневная молитва перед работой. Молиться и благодарить за всё аллаха Нурдину никто не мешал, да и мало кто знал, что за пять — семь минут до работы он в тесном уголке раздевалки в цехе вставал на колени и потрескавшимися от мороза губами произносил имя пророка Мухаммада.

Однажды, уже почти на восьмом году его срока, в стройцех, где Нурдин строгал доски, вошёл долговязый зэк с погонялой «Цапля». Он один из тех, кого инспектор по режиму Царёв использовал в травле в отношении Нурдина. Нурдин, не отрываясь от работы, настороженно бросил на того беглый взгляд будучи готовым в любую секунду дать отпор подхалиму режима. «Цапля», делая вид, что ищет на стеллажах нужный инструмент, не глядя на Нурдина произнёс:

— Конкретно для тебя, «чёрт», есть важная новость. Если ты согласишься выполнить моё условие, я так и быть расскажу тебе. Подписываешься или нет?

— Что за условие? — спросил Нурдин, отвлёкшись от строгания доски рубанком обернувшись к «Цапле». На тот момент Нурдина охватило любопытство, поскольку он остерегался, что Царёв задумал против него что-то серьёзное, вплоть до убийства.

— Горбатого лепить не буду, но то, что я тебе скажу, не должна знать ни одна сука, — произнёс тот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.